

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные номера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ 24 января 1882
12 января

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Вслѣдствіе желанія типографшиновъ имѣть въ своемъ распоряженіи воскресные дни и открытія особой типографіи „Вольнаго Слова“, № 25 нашего изданія выйдетъ только въ СУББОТУ, 5-го февраля, и за тѣмъ всѣ послѣдующіе выпуски будутъ производиться еженедѣльно по СУББОТАМЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- 1) Не благодѣнія власти и земской господчины, а свобода жить нужна народу и всей странѣ. —
- 2) Новогоднія пожеланія русскихъ газетъ, поклоняющихся правительству ex officio и son amote. —
- 3) Подчиненіе «святой дружины» Игнатьеву. —
- 4) Удаленіе фонъ-Плеве. — 5) Новыя права раскольниковъ. — 6) Свѣдѣніе о политическомъ процессѣ 22-хъ. — 7) Новый № «Народной Воли». — 8) Притворъ по дѣлу Санковского и Мельникова. —
- 9) Литературно-политическія замѣтки: II Абсолютизмъ и Капитализмъ, М. Драгоманова. —
- 10) Г. Галаганъ—для духу, М. Д. — 11) Легальная борьба Босно-Герцеговинцевъ за право и свободу. —
- 12) Письма о равочемъ движеніи: XIII Рабочіе «союзы сопротивленія» въ Великобританіи. —
- 13) Извѣстія и замѣтки: сомнительная телеграмма о нападеніи черногорскихъ войскъ на усташей; приговоръ по дѣлу Токарева, Лошкарева и Кангера. — 12) Объясненіе.

ЖЕНЕВА, 24 января, 1882 г.

Указомъ Сенату 1-го января положенъ конецъ временно обязаннымъ отношеніямъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ теченіе года земская семья, общество свободныхъ земледѣльцевъ въ Россіи увеличится полтора миллиономъ новыхъ членовъ. На основаніи «Положеній» 19-го февраля 1861 года они должны получить въ надѣлъ количество земли, достаточное для обезпеченія ихъ домашняго быта и уплаты податныхъ тягостей и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться свободою самоуправленія въ предѣлахъ сельскаго общества, волости и мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Но едва ли эта закономъ поставленная задача можетъ быть разрѣшена сколько нибудь удовлетворительно безъ коренныхъ

измѣненій въ тѣхъ постоянныхъ отношеніяхъ, въ которыя должны стать къ правительственной администраціи освобождаемые нынѣ отъ обязанностей временныхъ, исключительно экономическаго свойства. Двадцать лѣтъ тому назадъ еще можно было надѣяться, что верховная власть не дастъ въ обиду своимъ приказнымъ людямъ ея же освобождаемыя массы народа; но двадцать лѣтъ опыта показали, что попеченія о народномъ благѣ, возглашаемыя въ манифестахъ, не имѣютъ ничего общаго съ ихъ осуществленіемъ на дѣлѣ и что страданія народа отъ произвола и насилія со стороны агентовъ власти начались немедленно вслѣдъ за прямымъ подчиненіемъ его чиновничеству; тѣже двадцать лѣтъ опыта показали, что попечительство надъ трудящимися массами, отъ кого бы оно ни исходило, какъ опека надъ сиротами, всегда служило во вредъ, если не въ конечное разореніе, народному хозяйству, угнетало экономическій и нравственный бытъ народа. Вопреки общему закону о гражданской правоспособности, вопреки здравому смыслу, самостоятельный хозяинъ, отецъ семейства признанъ былъ нравственно несовершеннолѣтнимъ, а потому и органы крестьянскаго самоуправления (сельскія общества и волости), составленные изъ предполагаемыхъ нравственно незрѣлыми индивидуумовъ, отданы подъ опеку чуждой имъ правительственной власти, представленной къ тому же въ самомъ безобразномъ видѣ, въ лицѣ полицейско-административныхъ хищниковъ и кулаковъ изъ среды самого же народа, облюбленныхъ и возвеличенныхъ (разумѣется, относительно) начальствомъ. Выборные администраторы — сельскій староста и волостной старшина — стали низшими полицейскими чинами и не избавлены даже, какъ, напр., члены земскихъ и городскихъ

управъ, отъ взысканій, налагаемыхъ административнымъ порядкомъ. При такихъ условіяхъ органы крестьянскаго самоуправления естественно превратились съ самоугнетающія и давящія народную жизнь административныя инстанціи: волость придавила сельскія общества, мірской сходъ сталъ гнести личность. Народъ вынужденъ былъ спасаться отъ выборныхъ волостныхъ судовъ и отъ міра, толпами бѣжать, какъ въ старину, на новыя, дальнія мѣста, надѣясь тамъ вздохнуть свободнѣе, ища скорѣе новой воли, чѣмъ улучшенной матеріальной обстановки. Наконецъ, онъ собственными руками сталъ разрушать не имъ созданную, а ему навязанную и искажаемую произволомъ, даже вопреки закону, свою общину — этотъ своего рода типъ государственнаго крѣпостничества, на столько же далекій отъ народнаго идеала самоуправления, какъ далека была создавшая ее Ростовцевъ отъ здравыхъ идей социально-политической свободы. Фактъ пріобрѣтенія земель частною покупкой не въ мірскую собственность, а въ собственность свободно образовавшихся товариществъ изъ крестьянъ общинниковъ служитъ тому вѣскимъ доказательствомъ и становится особенно поучительнымъ, если принять въ соображеніе, что упомянутая форма владѣнія есть преобладающая въ ряду случаевъ пріобрѣтенія крестьянами земель путемъ частныхъ сдѣлокъ. Вновь учреждаемый при главномъ выкупномъ учрежденіи крестьянскій земельный банкъ, очевидно, имѣетъ цѣлью воспрепятствовать разрушенію полицейско-административной общины и возникновенію на ея развалинахъ болѣе совершенной, въ социальномъ смыслѣ, формы общиннаго землевладѣнія, основаннаго на началѣ свободнаго соглашенія.

Чтобы крестьянству выбиться на дорогу производительнаго труда, единственно

конечно, что тогда не только общественное мнение расположенных к массам народа людей не допустило бы множества несправедливостей, совершенных при исполнении эмансипации крестьян, и даже освященных Положением 19 февраля, как оно вышло не из редакционных комиссий, составленных всетаки с участием земских людей, хоть и исключительно помещиков, а из государственного совета, — по даже помещики гуще населенных областей не допустили бы раздачи казенных земель в областях юговосточных чиновникам и арендования их крупными капиталистами, а в своих даже видах поддержали бы голоса тех, кто указывал на эти и вообще на казенные земли, как на резерв для безземельного крестьянского населения *). Между тем и для того, следившего за русскою литературою послѣдних 20-ти лѣтъ, не тайна, что никто другой, как высшие петербургские чиновники, крѣпостники или хищники, при помощи царскаго авторитета, занимали роль самым умѣреннымъ людямъ, рекомендовавшимъ Россіи болѣе благоприятную для крестьянства политику. То же самое происходило и съ голосами въ пользу фабричныхъ рабочихъ или, такъ называемой, кустарной промышленности. Только теперь правительство какъ будто бы начинаетъ брать въ толкъ то, чего и слушать не хотѣло въ теченіи двадцати лѣтъ, но гдѣ же ручательство, что оно не повернется также назадъ и въ вопросахъ экономической политики въ Восточной половинѣ Россіи, когда оно свело на Чертовщину и Токаревицу гораздо болѣе радикальную и съ большимъ громомъ заявленную политику императорскаго демократизма въ Западномъ краѣ? Во всякомъ случаѣ, капиталисту легче доступиться до самаго царскаго дворца, не говоря уже о канцеляріяхъ, нежели мужику, — а, кромѣ того, чиновникъ въ наше время и самъ соблазняется перспективою стать помещикомъ и капиталистомъ вообще. Кто же можетъ положить преграду его поползновеніямъ, кромѣ организованныхъ защитниковъ народныхъ массъ?

Предположить возможность сколько нибудь прочной организаціи не только этихъ массъ, но и ихъ образованныхъ защитниковъ (адвокатовъ въ хорошемъ смыслѣ слова), — даже возможность существованія свободной печати демократическаго направленія въ абсолютной монархіи, т. е. при абсолютномъ господствѣ чиновниковъ, — было бы совершенно дѣтскою иллюзіей, такою, подобною которой можно встрѣтить только у аксаковскихъ публицистовъ и политиковъ, которые доходятъ до такой наивности, что считаютъ «царскую власть гарантіей даже противъ произвола чиновниковъ». (См. въ Русской Старинѣ, 1881 г. декабрь, статью сапожника, «Между строкъ формулярнаго списка»). Въ настоящее время ни въ одной династіи въ Европѣ нѣтъ гениальныхъ людей, которые бы могли взять на себя ве-

ликое и сложное дѣло преобразованія общественаго строя въ интересахъ рабочихъ классовъ, — а въ Романовской династіи не только нѣтъ, но и быть не можетъ, не только гениальныхъ, но просто умныхъ и хорошо воспитанныхъ въ политическомъ смыслѣ людей. По этому можно, кажется, сообразить, что подобная задача не по силамъ ни монарху, ни центральной власти вообще, и что предположеніе о преобразованіи общественаго строя посредствомъ благожелательнаго деспотизма ни къ чему не можетъ привести, кромѣ сохраненія господства бюрократіи, которая взявшись за реформы, черезъ извѣстный промежутокъ времени должна даже забыть ту цѣль, которая ею первоначально была поставлена. Наоборотъ, представительное правленіе, при самыхъ несовершенныхъ своихъ формахъ, не мыслимо теперь безъ извѣстнаго простора для инициативы самого населенія, а, следовательно, и для рабочихъ классовъ и ихъ друзей, которые, при представительномъ правленіи, получаютъ, по крайней мѣрѣ, возможность организаціи, которая, развиваясь постепенно, передаетъ дѣло общественнаго преобразованія въ руки людей, прямо въ немъ заинтересованныхъ.

Въ русской печати въ послѣднее время поднимался вопросъ о возможности для Россіи миновать періодъ расцвѣта капиталистическаго порядка посредствомъ организаціи и развитія теперь еще существующихъ народныхъ силъ и учреждений: общиннаго землевладѣнія и такой же аренды, артелей и т. п. По этой части появилось недавно въ разныхъ журналахъ нѣсколько трудовъ, которые, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія. Мы не думаемъ, чтобы экономическая жизнь Россіи смогла совсѣмъ уклониться отъ законовъ экономической жизни болѣе ея развитыхъ странъ, — но есть много вѣроятностей, что заблаговременная организація остающихся еще въ Россіи общинныхъ и артельныхъ формъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ и труда вообще, могла бы ослабить господство капитализма и сократить время этого господства. Серьезные опыты подобной организаціи могутъ быть предприняты только самоуправляющимися мѣстными учреждениями и далѣе опирающимися на нихъ общегосударственнымъ представительствомъ. Нечего и говорить, что чиновники, да еще въ Россіи, такихъ опытовъ произвести не могутъ. Было бы также плюзіей думать, что царское и, значитъ, министерское и губернаторское, несправедливое и урядническое самодержавіе въ состояніи помириться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, — волостнымъ, уѣзднымъ, областнымъ, — самодержавіе, которое не можетъ терпѣть самостоятельности даже теперешней крестьянской общины и теперешнихъ земскихъ учреждений.

Такимъ образомъ, откуда ни подойти къ дѣлу, а самодержавіе является первымъ бревномъ на дорогѣ и нравственнаго и экономическаго освобожденія и такъ называемой «интеллигенціи», и т. наз. «народа», и если бы даже дѣйствительно «интеллигенція» была равнозначуща «буржуазіи», — то и тогда «народникамъ» все таки было бы благоразумнѣе идти до извѣстнаго момента въ союзъ съ той частью буржуазіи, которая

стремится къ свободѣ и самоуправленію, чѣмъ съ самодержавіемъ. Извѣстная доля свободы и самоуправления все таки достанется и на долю «народниковъ» и «народа». При томъ же, между образованной и солидно-дѣловой частью даже «буржуазіи» и «народомъ» нѣтъ такого принципиальнаго антагонизма, какъ между самодержавіемъ и подданными *)

Дѣловая «буржуазія», при всей тяжести ея для чернорабочихъ массъ, все таки не влаетели народа, и даже капитала, а болѣе администраторы теперешняго экономического строя; но мѣръ роста развитія и организаціи чернорабочихъ массъ, — эти администраторы естественно уступаютъ мѣсто самоуправленію послѣднихъ. Между тѣмъ какъ самодержцы — пастыри и влаетели народовъ, которые для нихъ, если не стада, то вѣчныя дѣти. Первый шагъ къ какому бы то ни было самоуправленію народа долженъ быть сокрушеніе власти этихъ пастырей, влаетелиновъ, отцевъ и какъ бы тамъ они ни назывались. Такъ было въ Западной Европѣ, такъ должно быть и будетъ и въ Россіи, — и только послѣ этого повторенія общеевропейскаго явленія Россія можетъ показать и свою самостоятельность, если у нея есть къ тому задатки.

М. Драгомановъ.

Г. ГАЛАГАНЪ—ДЛЯ ДУХУ.

Въ числѣ послѣднихъ новогоднихъ назначеній гатчинскаго правительства есть одно, которое, навѣрно, заставитъ говорить о себѣ. Это назначеніе прилуцкаго предводителя дворянства, г. Галагана, въ члены государственнаго совета съ помѣщеніемъ въ департаментъ законовъ. Провинціальный человекъ, землецъ, свѣдущій человекъ — въ государственномъ совѣтѣ! — «Не показываетъ ли это желанія правительства сблизиться съ обществомъ, съ землею!» — воскликнуть не только безусловные восхвалители всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, но и иные изъ фрондеровъ, которые и до сихъ поръ не могутъ выбрать другой формы для выраженія оппозиционныхъ идей, какъ восхваленіе правительства за ложку меду, иногда даже подкрашеннаго, въ бочкахъ дегтю, которыми оно покрываетъ Россію. А между тѣмъ, если была въ послѣднее время принята правительствомъ мѣра, болѣе дѣтская съ его стороны и болѣе обидная, въ своей наивности, для страны, — такъ это вышеупомянутое назначеніе. Оставимъ даже въ сторонѣ личность самаго г. Галагана, — личность по всему довольно блѣдную, — что значить одинъ землецъ среди десятковъ чиновниковъ членовъ государственнаго совета? Зачѣмъ онъ туда назначенъ? Очевидно, «для духу», какъ кладутъ извѣстныя снѣди въ малыхъ дозахъ въ солёные огурцы.

Такимъ назначеніемъ можно, пожалуй, деморализировать кой кого изъ земцевъ и свѣдущихъ людей, показавъ имъ въ перспек-

*) Напоминаемъ хотъ, напр., статью въ «Отеч. Зап.» 1873 г. «Истинныя причины самарскаго голода», которой основныя начала во всякой свободной странѣ появились бы раньше и произвели бы практическія послѣдствія.

*) Солидно-дѣловая часть буржуазіи (фабриканты и пр.) не совсѣмъ то же самое, что спекулянты биржи и грюндерства, хотя, конечно, вплоть до точной границы между ними провести нельзя.

тивъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ въ награду за молчаливскія добродѣтели послѣ легкаго будирования, — по обмануть имъ общественное мнѣніе, увѣрить, будто бы одно и даже нѣсколько назначеній, подобныхъ назначенію г. Галагана, способны придать чиновническому государственному совѣту земскій запахъ, никакъ нельзя.

Р. С. Мы не ошиблись: «Новое Время» умилось назначеніемъ г. Галагана и дало обстоятельный *curriculum vitae* новаго члена государственнаго совѣта. Но въ этомъ обзорѣ забыли только упомянуть то обстоятельство, что г. Галаганъ былъ съ 1873 до $\frac{1}{2}$ 1875 г. предсѣдителемъ кіевского отдѣла р. географическаго общества, — отъ котораго онъ отрекся, едва только начались доносы на этотъ отдѣлъ, приведшіе къ закрытію его въ 1877 г., по Высочайшему повелѣнію. Г. Галаганъ прекрасно могъ знать неосновательность этихъ доносовъ и, имѣя доступъ ко Двору, могъ бы ихъ парализовать, — но предпочелъ разыграть благородную роль крысы, оставляющихъ корабль, которому судьба предназначила крушеніе. Прекрасное опредѣленіе степени крѣпости земскаго духа, который г. Галаганъ долженъ вносить въ государственный совѣтъ.

М. Д.

ЛЕГАЛЬНАЯ БОРЬБА БОСНО—ГЕРЦЕГОВИНЦЕВЪ ЗА ПРАВО И СВОБОДУ.

I.

Еженедѣльная форма нашего изданія, способствуя обдуманному, углубленному изученію входящихъ въ нашу программу вопросовъ, не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, печатать тотчасъ по ихъ полученію многія доходящія до насъ политическія извѣстія или сообщенія намъ, дѣлаемыя съ спеціальной цѣлью помѣщенія ихъ въ нашемъ органѣ. Такимъ образомъ, мы были лишены возможности включить въ послѣдній номеръ полученные нами уже по окончаніи его набора два документа изъ Герцеговины и Босніи и должны были ограничиться однимъ упоминаніемъ о нихъ. Первый — протестъ сербско-православной мостарской общины — былъ отправленъ къ намъ еще въ прошлѣ мѣсяцѣ, но задержанъ въ дорогѣ вслѣдствіе трудности сообщеній въ это время года, усиленной военными дѣйствіями и стѣснительными распоряженіями австрійскихъ властей. Эти задержки послужили причиною, что документъ, о которомъ мы говоримъ, появляется въ «Вольномъ Словѣ» позднѣе напечатанія его въ нѣкоторыхъ сербскихъ газетахъ. Мы считаемъ, тѣмъ не менѣе, нашимъ долгомъ исполнить желаніе приславшихъ намъ «Протестъ» лицъ и сообщить его въ полности нашимъ читателямъ: логичность его выводовъ, строго легальный характеръ и высоко нравственный тонъ, которымъ пропикнута каждая строка, дѣлаютъ «Протестъ» однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ юридическихъ и политическихъ актовъ нашего времени; онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что не однимъ остріемъ меча угнѣютъ Герцеговинцы поражать своихъ враговъ и угнѣстителей.

— «Высокославной земской власти въ Сараево. *)

Избранные сербско-православнымъ народомъ Герцеговины для защиты всѣхъ его интересовъ и для наблюденія за всѣми событіями и явленіями, которыя, въ чемъ бы то ни было, касаются народной жизни вообще или ея отдѣльныхъ сторонъ, — мы должны обратить вниманіе высокосл. зем. власти на одно явленіе, которое, по самой своей сущности и по отношенію къ господствующимъ въ этой странѣ условіямъ, могло бы повлечь за собою самыя неблагоприятныя послѣдствія для правильнаго хода развитія нашей родины:

Явленіе это, на которое, изъ указанныхъ выше причинъ, мы должны призвать вниманіе выс. зем. власти, — недавно обнародованный «военный законъ для Босніи и Герцеговины».

Принимая во вниманіе, что государственно-правовое положеніе этихъ двухъ странъ относительно австро-венгерской монархіи опредѣлено австро-венгерско-турецкой конвенціей 9(21) Апрѣля 1879 г., и что, вслѣдствіе этого, упомянутая конвенція составляетъ юридическое и легальное основаніе всѣхъ мѣръ, предпринимаемыхъ босно-герцеговинской администраціей, которыя касаются государственно-правоваго положенія оккупированныхъ земель, — а, слѣдовательно, составляетъ и юридическое основаніе настоящаго военнаго закона;

принимая далѣе во вниманіе, что конвенція 9(21) Апрѣля 1879 г. постановляетъ: «оккупация Босніи и Герцеговины не нарушаетъ верховныхъ правъ Е. В. Султана надъ этими провинціями», такъ что, согласно этому, и нынѣ государемъ этихъ странъ можно считать только Е. В. Султана Царьградскаго;

принимая во вниманіе, что наборъ рекрутъ — одно изъ главнѣйшихъ верховныхъ правъ, принадлежащихъ, по вышеприведенному тексту австро-венгерско-турецкой конвенціи 9(21) Апрѣля 1879 г. Е. В. Султану, какъ Государю этихъ странъ;

принимая еще во вниманіе, что эта конвенція и до сихъ поръ ничѣмъ не отмѣнена и что, вслѣдствіе этого, обнародованіе военнаго закона, находящагося въ противорѣчіи съ яснымъ постановленіемъ вышеупомянутой конвенціи, приводитъ въ сомнѣніе и безпокоитъ совѣсть тѣхъ, которые подлежатъ примѣненію этого закона, и что они болѣе не знаютъ, кого считать Государемъ этихъ земель и кому давать присягу въ вѣрнопопданничествѣ, такъ какъ всякому ясно, что одна страна не можетъ имѣть двухъ государей и одинъ народъ не можетъ двоякимъ образомъ давать клятву въ вѣрности; — по всѣмъ этимъ причинамъ, а также и потому,

что возбужденное обнародованіемъ вышеназваннаго военнаго закона сомнѣніе можетъ разрушить всякую вѣру въ важность и значеніе международныхъ договоровъ и въ обязательность закона вообще,

что нашъ сербско-православный народъ, за все время состоянія его подъ турецкимъ владычествомъ, никогда не ставилъ рекрутъ;

и наконецъ, что этотъ обычай, за давностью времени (болѣе 400 лѣтъ) сдѣлался уже закон-

*) По сербски: «Высокославной земальској власти», т. е. Намѣстнику австрійскаго Императора въ Босніи и Герцеговинѣ.

нымъ правомъ нашего народа, которое уважается правительствомъ Султана и которое, при вступленіи въ Боснію и Герцеговину австро-венгерскихъ войскъ, намъ было гарантировано Имп.-Кор. манифестомъ, торжественно объявившимъ сохраненіе всѣхъ правъ и обычаевъ, которыми босно-герцеговинскій народъ пользовался подъ турецкою властью: —

Мы не можемъ отказаться отъ права, намъ всегда принадлежавшаго, не ставить рекрутъ въ войско, — тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній, вслѣдствіе настроенія умовъ въ нашемъ народѣ, а также и вслѣдствіе сложности всѣхъ условій настоящаго положенія страны мы недошли до убѣжденія, чтобы законъ этотъ могъ способствовать замиренію края и обезпеченію его правильнаго развитія и благоденствія.

Исполнивъ свой долгъ передъ избравшими насъ, мы представляемъ изложенные факты и соображенія на разсмотрѣніе Выс. Зем. власти, надѣясь, что она обратитъ на нихъ должное вниманіе и не оставитъ принять нужныя мѣры для устраненія основныхъ причинъ тѣхъ явленій, которыя нынѣ наполняютъ справедливою заботою сердца всѣхъ жителей этой страны.

Въ этой надеждѣ, мы остаемся съ должнымъ Вамъ уваженіемъ, уполномоченная отъ сербско-православнаго народа Герцеговины Мостарская община».

(Слѣдуютъ подписи).

Письмо, при которомъ присланъ этотъ документъ сообщается и обстоятельства его передачи австро-венгерской власти и отвѣтъ послѣдней.

«Этотъ протестъ былъ представленъ самому Намѣстнику въ Сараевѣ двумя нарочно выбранными депутатами общины, которые, однако не получили отъ него никакого отвѣта.

Нѣсколько дней спустя, община была призвана въ канцелярію окружнаго начальника въ Мостарѣ, гдѣ членамъ ея былъ возвращенъ посланный ими въ Сараево протестъ. Письменнаго отвѣта при семъ никакого не было, но окружной начальникъ сказалъ обществу на словахъ, что никто не смѣетъ критиковать распоряженіе, которое Е. В. было угодно сдѣлать. Общество возразило ссылкой на апрѣльскую австро-турецкую конвенцію и спрашивало начальника — отмѣнена ли эта конвенція? Послѣдній отвѣчалъ, что этотъ вопросъ касается «союзныхъ державъ») и никого болѣе, и сказалъ обществу, чтобы оно въ другой разъ не осмѣливалось писать и отвѣчать такимъ образомъ, если не желаетъ подвергнуться строгому наказанію. На это члены общества замѣтили, что они представители народа и, какъ таковыя, обязаны предъявлять власти желанія народа».

Для полнаго уясненія передъ нашими читателями, какъ самаго протеста, такъ и послѣдствій его передачи, мы должны прибавить, что въ Герцеговинѣ болѣе, нежели въ какой либо другой европейской провинціи Турціи, сохранилось самоуправленіе общины, то есть,

Намъ интересно еще было бы знать: о какихъ «союзныхъ державахъ» говоритъ г. окружной начальникъ? — о всѣхъ ли великихъ державахъ, или только о тѣснѣйшихъ союзникахъ Австріи, — Германіи и Россіи.

Ред.